

Петрос Адамьян

(ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Корифей армянской сцены

Петрос Адамьян был гениальным самородком, однако, рос он в условиях довольно богатой театральной культуры Константинополя, где он родился в 1849 году. Еще в детстве ему приходилось посещать только что основанный знаменитый «Восточный театр», где наряду с армянскими историческими трагедиями ставились также пьесы французских и итальянских классиков, слезливые и бурные мелодрамы. Он воспитывался в среде известных тогда армянских артистов Магакиана, Арусак, Экишана, Мнакиана, под руководством итальянских режиссеров Асти и Ночи, Петрос Адамьян был энтузиастом, он не упускал ни одной гастроли знаменитых европейских артистов, часто посещавших Константинополь. Огромное впечатление оставила на него знаменитая итальянская трагическая артистка Адельяда Ристори, одна из крупнейших представительниц итальянской школы «колоритного реализма». В 60-х годах прошлого века Петрос Адамьян вступил на армянскую сцену.

Как мастер сценического искусства Адамьян стоит особняком. Это глубоко оригинальный, самобытный художник, выработавший свою собственную школу сценического воплощения. Играл одну и ту же роль в Сальвини, Росси и Барнаи: Гамлета, Отелло, Уриэль Акоста, Кино, Коррадо и т. д., недосягаемая ни для одного из мировых исполнителей, давал свое оригинальное толкование данному образу, особенно образа Гамлета. Гамлет Адамьяна — самостоятельная величина. В этот образ он внес много нового и глубоко интересного. Академик Алексей Веселовский, видевший Адамьяна в роли Гамлета (в Москве), пишет:

«Образ Гамлета Адамьяна завладевает, волнует, мучит, выражает острое мировое скорбью и гневом своего протеста, сохраняя свое гипнотическое обаяние до роковой развязки. Впечатление совершенно своеобразно. Создается, что этот Гамлет не совпадает с тем шекспировским скорбником о мучеником мысли... что он сплошное новшество, внушающее самобытность, невыяснимым пониманием Гамлета и гамлетизма, которое проявляется во всех изгибах психологии героя, во всех выдающихся моментах и переходах пьесы...»

Русские критики, видевшие Адамьяна в 1888-1889 гг. на гастролях в Москве, Петербурге, Одессе и других крупных городах России, сравнивали его с Сальвини и Росси, в то время как же давшим гастроли в России. В 1885 г. Адамьян и Сальвини, встретившись в Харькове, подружились и обменялись фотографками. Армянский трагик встретился также с другим гениальным трагиком — Росси. Адамьян прекрасно знал итальянский язык и в совершенстве владел французским, на последнем он часто выступал с русскими артистами в роли Гамлета, Отелло и др. Выступление на русском языке было мечтой Адамьяна, но это ему не удавалось, хотя он довольно хорошо знал русский язык, чтобы читать произведения русских поэтов и критиков. Он был знаком с произведениями Болтинского, Гоголя, Грибоедова, Островского, Сухомбала, Тургенева. В своем исследовании «О Гамлете», изданном в 1887 г., Адамьян полемизирует с Тургеневым в понимании и толковании об-

раза Гамлета в связи с известным трактатом знаменитого русского писателя «Гамлет и Дон Кихот».

О своеобразии толкования Адамьяном образа Гамлета пишут многие критики. Например, рецензент «Московских ведомостей» в 1888 г. пишет:

«Как характерные черты игры Адамьяна следует отметить необыкновенное чувство меры в декламации и жестикации и полные изящества манеры. Знаменитое «быть или не быть» сказано было Адамьяном своеобразно. Росси и Сальвини декламировали этот монолог, прохаживаясь по сцене. Адамьян присел на ступеньках трона и, склонив голову на седенье его, мечтал, как в забытьи, в полусне. Когда монолог доходит до стиха: «Но если свиденья посетят», артист в испуге вскакивает, словно под впечатлением странного совидения.

Этот знаменитый монолог Адамьян говорил в отличие от других трагиков, держа в руке книжку, оправдывая этим мысль о самоубийстве».

Большое впечатление произволил Адамьян в роли Арбенина («Маскарад» — Лермонтова). Даже такая реакционная, недружелюбно относящаяся к армянам газета, как «Новое время», принуждена была признать успех Адамьяна. Эта газета писала: «Адамьян играл умно и по справедливости имеет право считаться выдающимся артистом, высказывает во всех сценах близкое знакомство со значением лермонтовского типа. Из роли Арбенина у него получается законченный образ, нефактурированный, а близкий к действительному. Артист имел очень большой успех».

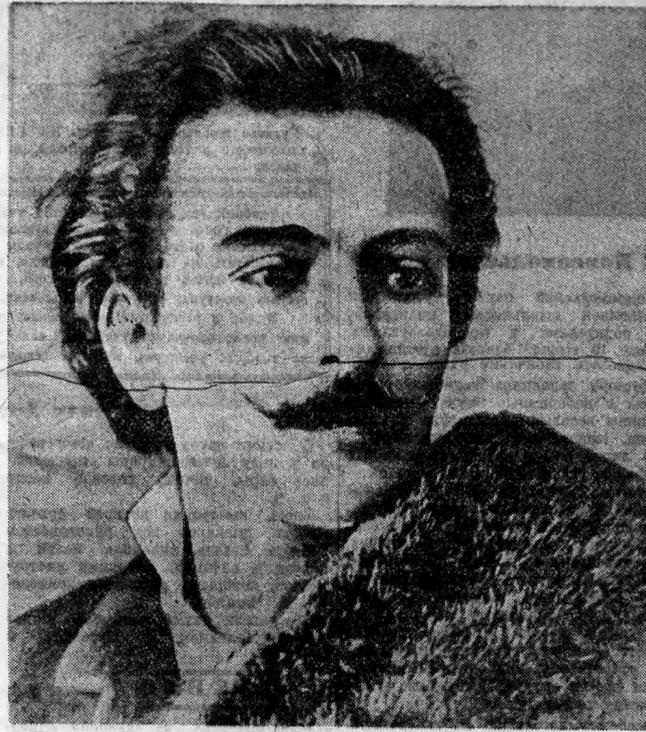
Другая газета («Петербургская газета»), говоря о последних двух сценах «Маскарада» в исполнении Адамьяна, пишет: «Мы должны сказать, что в обеих этих сценах Адамьян был прекрасен, сцена отравления жены была проведена с самоубийством, но потрясаящим драматизмом.» («С. Петербургская газета» 1884 год 12 февраля № 30»).

Петрос Адамьян во многом обязан русскому театру искусству и литературе. Он значительно вырос в России как в смысле обогащения своего репертуара, так и актерского мастерства. Вначале у Адамьяна чувствовались некоторые недостатки, явившиеся результатом итальянского и французского театрального направлений, но которые впоследствии и чрезмерная реалистичность и жесткая, но реалистическая школа русского театра значительно помогла гениальному артисту освободиться от этих недостатков.

Адамьян — это была исключительно одаренная личность, замечательный художник и поэт. Пейзаж, написанный им, вызвал восхищение даже гениального Айвазовского, его личного друга и поклонника. Этот на редкость одаренный человек рано ушел от жизни, страдая, жестокая болезнь горла свела его в могилу в тот момент, когда он мечтал и готовился к поездке на гастроли в Европу. Он умер, мечтая о постановке «Ричарда III», о создании армянского постоянного театра, обеспечивающего неограниченных армянских артистов, живших тогда на крохи буржуазной благотворительности.

Мечты великого артиста об армянском постоянном театре сбылись только после победы Великой Социалистической революции.

В. ТЕРЗИБАШЯН.

ИЗ ПИСЕМ П. АДАМЬЯНА

Гениальный артист армянской сцены П. Адамьян умер в ночь с 3 на 4 июня (ст. стиля) 1891 года в Константинополе, находясь в крайней нужде, не имея даже средств на лечение.

4 февраля 1890 года
Константинополь.

Милый Сандро!
До сих пор я скрывал от тебя истину, так как не желал огорчить тебя. Но больше не могу молчать. Я сообщу тебе правду, потому что уже два полных месяца, как я тяжело страдаю, лежа в постели, парализованный и перенося страшные боли в суставах. Все, что было у меня ценного, продал, дабы покрыть расходы на лекарства, предписанные врачом. Теперь я чувствую себя несколько лучше, но для полного выздоровления, как мне говорят, нужно по крайней мере два месяца, и то если будет следить врач. И я не имею ни одного гроша для того, чтобы привести врача из города в деревню и покрыть расходы на лекарства и разные нужды. До сих пор я не хотел никому признаться. Вытерпел сколько это было возможно, но

каково. Ниже мы приводим письмо, написанное им за полтора года до смерти: одному из своих тифлиских друзей, где он описывает свое тяжелое положение:

«...дольше терпеть не могу. Здесь я ни на кого не надеюсь. К кому мне обратиться? К богачам, которые с меня же выкашивают стоимость венка, предпринятого мне в день юбилея Молодежь же бедна.

И пишу тебе, чтобы ты прочел мое письмо моему другу Александру Мелик-Азарянцу, который сделал мне много добра. Может быть, сейчас также, узнав о моем тяжелом состоянии, согласится оказать мне какую-либо помощь, но это нужно скоро. Он знает, что добро его не пропадет...

Ты же, мой милый Сандро, прошу не беспокоить себя для оказания помощи мне. Поверь, что в таком случае ты огорчишь меня и причинишь мне боль».

«Очень прошу сделать так, чтобы никто, кроме тебя и нашего друга Мелик-Азарянца, никто не знал о моем тяжелом положении...»

Любящий тебя П. АДАМЬЯН.

Материалы об артисте

В театральном музее Еревана находится свыше 50 писем П. Адамьяна, переданных Тбилисским коммунальным музеем, написанных на армянском, русском и французском языках, афиши о постановках с участием Адамьяна, его книги, картины.

Большую ценность представляет уникальная марка, посвященная 25-летию со дня смерти Адамьяна, выпущенная в Нахичевани в 1916 году, старый номер

армянской газеты «Нор-Дар», в которой опубликована рецензия Адамьяна на выставку картин художника Башинджана. Музей имеет книгу статей Адамьяна, изданную в Тбилиси в 1880 году, его обстоятельные исследования о Гамлете, для которого автором была изучена масса иностранной литературы. Замечательно исполнены автопортреты актера в ролях Гамлета и короля Лира.

Русская пресса об Адамьяне

«...Этот артист во всяком случае не дюжинный, его позитивская наружность, прекрасная манера, ясная дикая несколько не режущая непривычное к армянскому языку ухо, глубокое понимание изображаемого типа, что сказывается с первого его выхода и до последнего слова, неподдельное чувство, выразительная мимика и пластическая жестикация, понимание сцены и естественная непринужденная игра, все это выдвигает г. Адамьяна на первый план и ставит его наряду с выдающимися артистами. («Музыкальный и театральный вестник», Москва, 1883 год.)»

«Симпатичный голос с обширным диапазоном, выразительная наружность, прекрасная мимика в связи со сценической опитностью сразу завоевали гастролеру симпатии публики. Игра г. Адамьяна при всей продуманности отличается простотой и чужда всяких декламаторских изысканий. («Русские ведомости», Москва, 1883 г.)»

«Талантливый армянский актер г. Адамьян для своего второго дебюта перед петербургской публикой избрал роль Арбенина в «Маскараде» Лермонтова. ... г. Адамьян в роли лермонтовского героя обнаружил себя крупным артистом... В его игре во всем до мелочей видна прекрасная школа и глубокая обдуманность: характер Арбенина в исполнении талантливого артиста является вполне законченным и совершенно жизненным. («Искусство», Петербург, 1884 год.)»

«Талантливый гастролер наш г. Адамьян 22 апреля выступил в «Семье преступника» в роли Коррадо, встреченный при выходе весьма сочувственно публикой. Г. Адамьян показал, что он вполне заслуживает овации, которыми он так щедро был награжден после первого спектакля. Г. Адамьян свою сложную и трудную роль очень обдуманно. Адамьян очень поразила публике и произвел очень сильное впечатление. Вызовы и аллоцименты раздавались после каждой сцены. («Театр и жизнь», Харьков, 1885 г.)»

«Достаточно было артисту показаться на сцене и проинатости несколько слов, как вся публика почувствовала, что перед ней не азавский фигляр, не лицедей, терзающий нервы приятеля без цели и смысла, а крупная артистическая величина, жрец искусства в полном значении этого слова.

Отшла на второй план измерная зала с ее выщипанной обстановкой, ступенька оступавшая труппа, остался один г. Адамьян с его симпатичным голосом, с его благородной и истинно гамлетовой осянкой и игрой, воспевающей в памяти артеля воспоминания о лучших днях драматического искусства. Успех даровитого трагика был неожиданный и полный. Он рос с каждым явлением и игра его быстро превращалась в настоящий артистический триумф. Мы слишком увлечены замечательной игрой г. Адамьяна, мы еще не пришли в себя от чарующих звуков его голоса и боимся впасть в прувеличение... Но вот что можно сказать вполне определенно. Успех г. Адамьяна в Гамлете превзошел всякие ожидания и порази-

лел публику массой богатых ресурсов, имеющихся в распоряжении артиста. («Одесский вестник», 1887 г.)»

«В ноябре на сцене нового театра состоялся второй спектакль армянского трагика, выступившего в роли Отелло. На этот раз Адамьян превзошел себя. К его художественному исполнению, отличающемуся поэтической правдой, живописно воспринятого характера присоединилось и своеобразно вполне самобытное талант. До появления Адамьяна перед вами мелькали старые, померевшие от копыт декорации, дышавшие бездушные фигуры марionеток, но показавшееся Адамьян и вы сразу, какой то чудодейственной силой переживаетесь в прекрасную Венецию, и эту поэтическую страну гондо. Перед вами уже не жалкая декорация, но грандиозный дворец, в котором заседают убежденные сединами сенаторы, и исполненный сознанием своего достоинства и чести он не вымалывает, он не просит, но со свойственной его натуре искренностью рассказывает о своих подвигах. Перед вами честная, бесхитростная простая натура. («Новороссийский Телеграф», 1887 г.)»

«Видели ли вы г. Адамьяна исполняющего Гамлета и Отелло? Нет? Очень жаль! Вы много потеряли. Этот артист, артист необыкновенно симпатичный, с далеко не дюжинным дарованием, артист, о котором можно и должно говорить и даже можно говорить долго и много. Я не видел игры более страстной, более нервной, лица более поджогного, более выразительного, но не слышал голоса более симпатичного. При этом дарование. Дарование большое, тщательное изучение ролей и тут присутний каждому исполнителю артисту конек, который делает его образательным и ставит его выше простых смертных. («Театр и жизнь», Москва, 1888 год.)»

«Сам он был истинным художником и любил искусство во всех его проявлениях. Следует отметить, что не одно только драматическое искусство было ему близко и дорого. Еще в юношеских лет он стал заниматься живописью, пристрастием портретного, он пробовал силы и в литературе и оставил после себя кроме переводов также несколько оригинальных повестей, рассказов и стихотворений.»

«Горячо любя свое дело, Адамьян никогда не хотел остановиться в постепенном совершенствовании своего таланта, а наоборот, постоянно прогрессировал в этом направлении, пользуясь как указаниями своего личного художественного инстинкта, так и советами лучших критиков, или своих же товарищей — артистов. Он не хотел также ограничиваться известным числом усвоенных с самого начала ролей и постепенно расширял свой репертуар — за «Гамлетом» и «Отелло» последовали «Король Лир», «Уриэль Акоста», «Кино», «Семья преступника», будучи в России он играл в «Горю ума», «Маскараде», в пьесах «Увернение», «Жертва за жертву» и т. д. Он не переставал радушествовать ролями до самого конца своей артистической карьеры. Взгляд Адамьяна на роль театра в общественной жизни был очень симпатичен. (Журнал «Артист», 1891 г.)»

Великий трагик

В 1891 году после долгой и мучительной болезни в Константинополе скончался Петрос Адамьян — гений армянской сцены.

Как и многим деятелям армянского театра прошлого, Адамьяну пришлось пережить трагедию одиночества, особенно в последние годы своей жизни. Он не любил муту — поехать в Италию на лечение, но вокруг не было никого, кто пошел бы ему навстречу. Он обращался к людям, могущим вернуть ему здоровье, но не встречал руки, протянутой ему на помощь. Он хотел хоть немного продлить свои годы на сцене. «Сцена же уходила от него. Он ждал жизни, а навстречу ему шла смерть».

Это была преждевременная смерть беззащитного, как высказывался Ованес Туманян, гения, оставленного на произвол судьбы.

Беззащитной была вся жизнь Адамьяна, весьма недолгая, трагически прерванная на 42 году. После смерти отца, богатого Иеремии-аги, не оставившего своему единственному сыну никакого состояния, Адамьян всю жизнь был вынужден вести неравную борьбу с оуровой действительностью, нередко повергавшую его в жуткие, невыносимые условия существования.

Страстно любивший жизнь, Адамьян не раз, однако, пребывал в состоянии глубокого разочарования. Жизнерадостного по натуре артиста не покидала грусть. Характерно, что на Ованесе Туманяна Адамьян произвел впечатление большого и одинокого человека.

Туманян отлично знал, конечно, мотивы этого печального явления. Адамьян все же не мог, несмотря на свое абсолютное превосходство, составить исключение в атмосфере, окружавшей деятелей армянской сцены в прошлом. Он лишь разрешил их участь.

кой-то эпизодической роли, в которой ему полагалось произнести буквально два слова: «Умри, предатель», произвел на окружающих настолько сильное впечатление, что в этот же день была предпринята будущим юному дебютанту. Это было в 1864 году в Константинополе, на родине будущего артиста.

15 лет спустя, в 1879 году на полном ходу Тифлиского армянского театра дебютировал незнакомый до того зрителям молодой артист, приглашенный из Константинополя актер, сразу обративший на себя всеобщее внимание. Это был Петрос Адамьян, молодой, красивый человек, едва достигший 30 лет, но уже с явно проявленным неувраждным сценическим талантом и мастерством актерского исполнения.

15 лет, проведенных в Константинополе, все же не оказались потерянными. Он был тесно связан в эти годы с национальным театром, оказавшим известное влияние на формирование его дарования.

Это влияние, однако, было одностронним и не всегда благоприятным. Ни репертуар театра, ни манера игры актеров, если не иметь виду исключения, не могли направить в правильном русло бьющую через край творческую стихию молодого Адамьяна. Она отражала совсем неоподобное явление репертуара и актерского исполнения развалившихся трупп, которых часто привлекали берега Восточного Репертуара строился большей частью на дешевых мелодрамах, часто мало известных западных авторов, а в игре актеров преобладали построения на внешних эффектах приемы.

Константинопольский театр, безусловно, способствовал раскрытию громадного таланта будущего знаменитого трагика, но он этого полностью не добился и не мог добиться. Незавраждный талант Адамьяна вполне раскрылся лишь после перевода артиста в культурный центр Закавказья — Тбилиси, в условиях общения с русской

культурой, под ее сильным и благотворным влиянием.

Здесь Адамьян познакомился с репертуаром русского театра, полюбил Островского и Грибоедова, впоследствии к ним прибавилось еще имя Лермонтова, автора «Маскарада». Чацкии и Арбенин, в частности, стали любимыми героями наряду с созданными им образами из трагического репертуара мирового театра.

Герой всемирно известной трагедии Гуйкова — Уриэль Акоста целиком захватил армянского трагика, вставившего в свою очередь зрителя полнотой молодого еврейского мыслителя, подборкой передовых идей и лучших человеческих качеств. Артиста пленяли также трагическая судьба Коррадо не популярной мелодрамы Джиюметты «Гражданская смерть».

Но, блеснув своим колоссальным талантом в перечисленных ролях, Адамьян с особой силой проявил всю мощь своего актерского искусства в шекспировском репертуаре.

Выражаясь условно, можно сказать, что Шекспир принес Адамьяну великую славу. Адамьян же, в свою очередь, распространил мировую славу Шекспира в армянском обществе, до того мало знакомом с творениями великого драматурга.

Адамьян сделал Шекспира достойным сравнительно широких зрительских масс, он привнес им вкус к Шекспиру. Он явился великим пропагандистом и популяризатором шекспировской драматургии, своим искусством глубоко связав армян со знаменитым творцом «Гамлета».

Весьма интересно в этом отношении одно признание великого Ованесе Туманяна, увидевшего в 80-х годах Адамьяна в роли Гамлета. Вот это признание: «Эта ночь», — пишет Туманян, — явился для меня волшебной ночью и имела почти репашающее значение во всей моей литературной жизни. В эту ночь я так полюбил Гамлета, а затем и Шекспира, что написал несколько драм и все уничтожил, потому что... не были похожи на творения Шекспира. Настолько сильно было озарение, что

что я и по сей день считаю себя более драматургом, чем кем либо другим».

Эти строки были написаны Туманяном в 1916 году, спустя 25 лет после смерти Адамьяна.

Не следует представлять дело таким образом, якобы Шекспира армянская общественность не знала до Адамьяна. Шекспира играли на армянской сцене и до Адамьяна, еще в 60-х годах.

Но Адамьян явился первым, по существу, деятелем армянского театра, создавшим традицию Шекспира на родной национальной сцене. И потому естественно, когда речь идет о Шекспире в связи с армянской сценой, то это неизбежно переплетается с именем великого армянского трагика.

Было бы ошибочно, однако, ограничивать заслугу Адамьяна перед армянской театральной культурой одним лишь фактом утверждения Шекспира на нашей сцене, как бы ни было велико значение этого факта.

Адамьян сделал первый поистине исторический шаг, широко ознакомив с армянским национальным театром русского зрителя и тем самым утвердив никогда впоследствии непрерывавшуюся связь между театральными очагами двух народов.

За годы пребывания на Кавказской армянской сцене Адамьян совершал гастрольные поездки по городам России. Выступление Адамьяна в городах России, так же, как и его выдающиеся успехи в Тифлисе и Баку, вызвали все нарастающий интерес не только к Адамьяну, но и к спектаклям армянского театра вообще.

«В самое короткое время, — пишут один из деятелей русской сцены, — Адамьян сделался любимцем русской публики, которая стала охотно посещать не только спектакли классического репертуара, но и бытовые армянские пьесы.»

«...Этот артист во всяком случае не дюжинный, его позитивская наружность, прекрасная манера, ясная дикая несколько не режущая непривычное к армянскому языку ухо, глубокое понимание изображаемого типа, что сказывается с первого его выхода и до последнего слова, неподдельное чувство, выразительная мимика и пластическая жестикация, понимание сцены и естественная непринужденная игра, все это выдвигает г. Адамьяна на первый план и ставит его наряду с выдающимися артистами. («Музыкальный и театральный вестник», Москва, 1883 год.)»

«Симпатичный голос с обширным диапазоном, выразительная наружность, прекрасная мимика в связи со сценической опитностью сразу завоевали гастролеру симпатии публики. Игра г. Адамьяна при всей продуманности отличается простотой и чужда всяких декламаторских изысканий. («Русские ведомости», Москва, 1883 г.)»

«Талантливый армянский актер г. Адамьян для своего второго дебюта перед петербургской публикой избрал роль Арбенина в «Маскараде» Лермонтова. ... г. Адамьян в роли лермонтовского героя обнаружил себя крупным артистом... В его игре во всем до мелочей видна прекрасная школа и глубокая обдуманность: характер Арбенина в исполнении талантливого артиста является вполне законченным и совершенно жизненным. («Искусство», Петербург, 1884 год.)»

«Достаточно было артисту показаться на сцене и проинатости несколько слов, как вся публика почувствовала, что перед ней не азавский фигляр, не лицедей, терзающий нервы приятеля без цели и смысла, а крупная артистическая величина, жрец искусства в полном значении этого слова.

Отшла на второй план измерная зала с ее выщипанной обстановкой, ступенька оступавшая труппа, остался один г. Адамьян с его симпатичным голосом, с его благородной и истинно гамлетовой осянкой и игрой, воспевающей в памяти артеля воспоминания о лучших днях драматического искусства. Успех даровитого трагика был неожиданный и полный. Он рос с каждым явлением и игра его быстро превращалась в настоящий артистический триумф. Мы слишком увлечены замечательной игрой г. Адамьяна, мы еще не пришли в себя от чарующих звуков его голоса и боимся впасть в прувеличение... Но вот что можно сказать вполне определенно. Успех г. Адамьяна в Гамлете превзошел всякие ожидания и порази-

лел публику массой богатых ресурсов, имеющихся в распоряжении артиста. («Одесский вестник», 1887 г.)»

«В ноябре на сцене нового театра состоялся второй спектакль армянского трагика, выступившего в роли Отелло. На этот раз Адамьян превзошел себя. К его художественному исполнению, отличающемуся поэтической правдой, живописно воспринятого характера присоединилось и своеобразно вполне самобытное талант. До появления Адамьяна перед вами мелькали старые, померевшие от копыт декорации, дышавшие бездушные фигуры марionеток, но показавшееся Адамьян и вы сразу, какой то чудодейственной силой переживаетесь в прекрасную Венецию, и эту поэтическую страну гондо. Перед вами уже не жалкая декорация, но грандиозный дворец, в котором заседают убежденные сединами сенаторы, и исполненный сознанием своего достоинства и чести он не вымалывает, он не просит, но со свойственной его натуре искренностью рассказывает о своих подвигах. Перед вами честная, бесхитростная простая натура. («Новороссийский Телеграф», 1887 г.)»

«Видели ли вы г. Адамьяна исполняющего Гамлета и Отелло? Нет? Очень жаль! Вы много потеряли. Этот артист, артист необыкновенно симпатичный, с далеко не дюжинным дарованием, артист, о котором можно и должно говорить и даже можно говорить долго и много. Я не видел игры более страстной, более нервной, лица более поджогного, более выразительного, но не слышал голоса более симпатичного. При этом дарование. Дарование большое, тщательное изучение ролей и тут присутний каждому исполнителю артисту конек, который делает его образательным и ставит его выше простых смертных. («Театр и жизнь», Москва, 1888 год.)»

«Сам он был истинным художником и любил искусство во всех его проявлениях. Следует отметить, что не одно только драматическое искусство было ему близко и дорого. Еще в юношеских лет он стал заниматься живописью, пристрастием портретного, он пробовал силы и в литературе и оставил после себя кроме переводов также несколько оригинальных повестей, рассказов и стихотворений.»

«Горячо любя свое дело, Адамьян никогда не хотел остановиться в постепенном совершенствовании своего таланта, а наоборот, постоянно прогрессировал в этом направлении, пользуясь как указаниями своего личного художественного инстинкта, так и советами лучших критиков, или своих же товарищей — артистов. Он не хотел также ограничиваться известным числом усвоенных с самого начала ролей и постепенно расширял свой репертуар — за «Гамлетом» и «Отелло» последовали «Король Лир», «Уриэль Акоста», «Кино», «Семья преступника», будучи в России он играл в «Горю ума», «Маскараде», в пьесах «Увернение», «Жертва за жертву» и т. д. Он не переставал радушествовать ролями до самого конца своей артистической карьеры. Взгляд Адамьяна на роль театра в общественной жизни был очень симпатичен. (Журнал «Артист», 1891 г.)»